

ЭКСПРЕССИОНИСТЫ

ЕВГЕНИЙ ГАБРИЛОВИЧ,
БОРИС ЛАПИН,
СЕРГЕЙ СПАССКИЙ,
ИПОЛИТ СОКОЛОВ.

САД АКАДЕМА.
Москва
1921.

КНИГИ ЭКСПРЕССИОНИСТОВ.

СЕРГЕЙ СПАССКИЙ.

1. **Как снег.** 1917 г. Москва.
2. **Рупор над миром.** Поэма. 1920 г.
3. **Созвездия.** Стихи.
4. **Слово.** Повесть в поэмах. (Готовится).

ИШПОЛИТ СОКОЛОВ.

1. **Полное собрание сочинений.** Том I-й. Не стихи. 1919 г. (Издание прекращено).
2. **Бунт экспрессиониста.** Стихи и декларация. 1919 г.
3. **Воззвание экспрессионистов о созыве I Всероссийского Конгресса Поэтов.** 1920.
4. **Экспрессионизм.** Агитлистовка. 1920.
5. **Ренессанс XX века.** Манифест. 1920.
6. **Бедкер по экспрессионизму.** Теория. 1920.
7. **Имажинистика.** Теория. 1921.
8. **Новое мироощущение.** Прозрение. 1921.
9. **Новое стихоощущение.** (Готовится).

ЕВГЕНИЙ ГАБРИЛОВИЧ.

1. **Возвешение о благе.** (Готовится).

Дорогому Вячеславу

Ковалевскому — первую,
~~Минин~~ ~~и~~ ~~спра~~
нину.

ЭКСПРЕС- СИОНИСТЫ

Латы, 27-й

ЕВГЕНИЙ ГАБРИЛОВИЧ,
БОРИС ЛАПИН,
СЕРГЕЙ СПАССКИЙ,
ИППОЛИТ СОКОЛОВ.

САД АКАДЕМА.
МОСКВА
1921.

ПАЛЬМИРА.

Ветер. Воздух пахнувший малиной,
В ящиках аляповатый донник,
Каждый сноп над высохшею глиной
Прячет губы в розовых ладонях.
Каждый сноп—обойный белый чортик,
Говор—нищий выкинутый взашей
И короткий вычерненный кортик
Тянет медь из робких патронташей.
Прянной ржи, крупитчатой, как порох
Прелым граблям не сгрести на крыши
В грязь и в пот завязнувшие в порах
И сироп их караульных вышек.
Лиза, косы, Лиза, утром встретить
Осень также мягче незабудок,
Осень также топнет в бересклете
Как огонь на бочках и посудах.
Бог воркующих в осоке горлиц,
Бог хрустящих по капусте зайцев,
Выйди из своих лубочных горниц,
Выйди вверх и солнцем не кидайся.
Скоро смерть. В туман увитый хмелем
Вбросит гром, как винные бутылки.
Здесь пруды с их вскармленником Лелем
Поворачиваются в затылке.

Г. ВЛАДЫЧИНОЙ.

I.

Деревья снов ветвисты и тесны.
 Ладони дней сплелись нерасторжимы.
 Я расплетаю волосы весны,
 Чеканю кубками серебряные зимы.
 И сердца наливающийся плод
 Душистых дум сберет густые соки.
 И знать—благословен и день забот—
 И сквозь тоску пробитые дороги.
 И вот дрожу—упругая струна
 В уверенном золотозвонном кличе.
 И в душу мне ты смотришь, Беатриче,
 Как в прорубь растворенного окна.

1916.

II.

Сны—космы сумеречных грив
 И ждать. Душа закованела.
 Слова, как руки, заломив,
 Несу глаза, улыбку, тело.
 Протрубит солнце. Знаю. Да.
 Грот ночи непробудно черен.
 В душе распластаны года,
 Томятся всходы звездных зерен.
 И просто:—говорю. Живу.
 Какая жадная тревога,
 Что вот навстречу, наяву
 Глазами дум увижу Бога.

1918.

МОСКОВСКАЯ ФАНТАЗИЯ.

Пустая чаша высока.
Дома по золоту выстраивая,
Был многопарусен закат.
Края тревожно догорают его.
Но уж с окраин, из за угла,
Косматыми стадами выступив,
Грудится, тяжелеет мгла,
Неслышно замышляет приступы.
И там где город, будет бор.
И в глубях сумрака и гутора
Дыши на площадях простор
Полуразрушенного хутора.
И заживай меж взрытых плит
Невероятиями давними
Дремучий, козлоногий быт
Бородками, рогами, фавнами.
Поэт, запоминай, слегка
Взвеваясь, невозможно около
Какого марева рука
Тебе виски морозом трогала.
И ветерковым холодком
Вздохнули волосы, приподняты.
И что припоминал, о ком
В ночь оступаясь за сегодня ты.
И лишь за облаковый мыс
Глаза взойдя, невдруг увидели
Звезды стекающие вниз
По куполу Христа Спасителя.

1921.

ПАМЯТИ А. БЛОКА.

В стремительные времена, в иные
Блистанья дней душа, как рог поет.
Воџ—

табуном зарницы золотые
Немой перебегают небосвод.

Что я могу?

Лишь этот бред всегдашний
Нахлынувший, как ветер, на меня—
Россия, бурей вспаханная пашня,
Где зреют зерна грома и огня.

И грудь, как гроб. В ней костенеет Слово
И на узлах разорванных дорог
Крылатой конницей виденья Соловьева
Ворвались в мрак—

Но заклинает Блок
Летучей музыкой вз'ярные стихии.
И сердцу вновь таинственно ясна
Светящаяся женственность, София,
Прозрачная и звучная весна.

ЕЯ ГЛАЗА.

Из книги „Энциклопедия любви“.

На перекладине бровей, на канатах нервов
Болтаются синие трупы мертвых зрачков...
Вы думаете, что я только беру барьер слов,
Нет, на эти трупы вы много возложите из ресниц
венков.

Взгляд в зрачке торчит, как палка,
Страсть заволакивает глаза, как лондонский туман
Сити,
Вы ресницами взмахнете, как крыльями испуган-
ная галка,
Но вы ни за что и никуда не улетите.

Начало августа 1920 г.

КАРСАВИНА.

Из книги „Энциклопедия любви“.

Брату Борису Земенкову.

Тело Карсавиной извивается,
Как язык во рту при разговоре.
Не видно ни лакового козырька опущенных рес-
ниц, ни ея лица,
Ни даже этого северного сияния из ресниц во
взоре.

Она извивается, как язык Самого...
И странно, что вот здесь в Петрограде
Ея тело языком Саваофа
Почему-то пророчет на этой эстраде.

Срединя сентября 1920 г.

МОЯ СЛУЖБА НА ЖЕЛ. ДОР.

*Из книги советских стихов
„Прозекция дней на бумаге“*

Как Петрарке для свободы нужен тесный сонет,
Как живому Скрябину нужна клетка сонат,
Так для моего духа нужен Технический Отдел
Московско-Казанской железной дороги.

Конец 1920 г.

В НАШИ ДНИ.

*Из книги советских стихов
„Прозекция дней на бумаге“.*

Люсе Киселевой.

Как в иступлении сумасшедший бежит в прямом
коридоре,
Так я должен бежать по ровным строчкам в сти-
хах,
Разшибая о стены руки, плечи и череп, заглушая,
свой крик до боли,
Бежать к ней, чтобы был я поднят на ея ресницах
штыхах.
Но... когда в Эльзасе бахали пушки, то все таки
птицы
Спокойно из года в год на север летели вдоль
Рейна.
В чертежах вселенной линия годов куда-то мчится,
Вырисовывая на небе траекторию снарядов очень
затейно.

21—VI—21 и I—VIII—21.

ГИБЕЛЬ ЕВРОПЫ.

Из книги стихов

„Апокалиптическая эпоха“

V^{-1} sec=300,000 km.--о, раскройся,
раскройся
Священный лотос на тихой глади книг.

Ипполит Соколов—Герману Минковскому.

Близятся сроки. Скоро будет, будет вновь
Сорокодневный мировой потоп—
Из берегов нашей плоти выступит кровь.
Люди, молитесь, молитесь, люди, а то
Трещина Гималаев откроет свой жадный рот
И в широкой пасти земли исчезнет вся вода.
Из земли, воды, животных и людей крутящий во-
додорог
У Антильских островов откроет смысл тысячеле-
тиям—и тогда
На почерневшем небе электрические буквы
С высоты возвестят нам гнев Господень.
Мы, поэты, будем спокойно слагать стихи, ну а вы?
Когда наступит последний час, вы проклянете Ве-
ликое Сегодня.
Вот оно, новое из нашей крови Черное море,
Но растулятся волны его высокими стенами наших
улиц.
Сумашедшие толпы на последнем клочке земли
увидят какие-то новые зори.
Когда копытами души бил Конь Блед, то неужели
увидим тоску лиц.
На дно Великого Океана упадет откуда-то из-за
гор луна.
Ни поворотом глаз и ни падением души всего
нельзя измерить.
Так плыви же, плыви по крови жалкая скорлупа—
Новый Ковчег—мой бедный человеческий череп.

Май-- август 1921 г.

**ВТОРАЯ, ЛИРИЧЕСКАЯ ГЛАВА ИЗ
РАССКАЗА „ААТ“.**

ОСЕНЬ.

Грузный и проходящий был Матвей.

В осенние дни, — где-нибудь за городом, в осенние дни, — тащимого и тащимого, в осенние дни, — видели ли, когда из умедленной весны вытягивается в ветку последний закрытый дождь, — твердый, тяжелый проходил Матвей в лес и втыкал, втыкал громадную палку в теплую прискорбленную землю.

И вот сидел в лесу. И вот вглядывался в какой-нибудь отбитый сук.

Ничего.

Многобудущие весны волочили короткий день.

И все, — и собранные в кучи (где-нибудь) тихие скамейки, и знаете, белые лужи (где-нибудь) колотились о землю в приступах *невероятной* тяги.

НЕВЕРОЯТНОЙ тяги.

Сдвиг: — Краткое, краткое, отходящее ночью.

Краткое отходящее: — Стекла. В частности первого перехода: „Трагичность жизни моей предстала мне привиде изваяний великого Жирардона“.

А время идет и день и остатки дня замыкаются на тихое в стул.

Тогда: (поздно).

„Как старый франт, одевший короткое пальто“.

Или:

Вступление рояля, вводящее в синтетическое действие.

А время идет. А время идет, срывая и стол и комнату.

Ночь, ночь—мне ли не знать тебя!

Все детство, такое далекое, что каждый палец плачет от тяжести выжатого им... (Действие продолжается. В фонарях проходят и проходят).

— Все детство отбыл и отбыл этой поднятой до глаз краткой и отходящей тягой.

Тяга.

Краткое ночью:—Или вот вышел, вышел кто-нибудь (Матвей?) на улицу.

Дождь.

Дождь клонился к спине.

И закутанный в плащ городской ассимптотически удалялся от вышедшего и шедшего.

Инцидент углублялся.

Житейский пафос явно влек неподвижного городского из дождя на путь к Б. Московской предложенный вышедшим поздно.

Но городской остался.

И что-же: к концу ночи (невероятно!) поймал таки жулика.

Вступительное действие заканчивается: пробегают пушистая Шурка. Зажигаются спички.

Чистый рассвет. С редких деревьев падают голубые капли.

Сдвиг:—Краткое, краткое, отходящее ночью.

Заставка. Частности стекольных переходов возвещааемых речью о франте! (детство, детство).— в остатках и новых остатках вашего времени (срывающего и срывающего),—плачет и плачет эта вступающая, ночная тяга вышедшего и идущего.

И проходящий ночью есть час невероятной поимки ассимптотически удаленным в дождь,—уже шествующего где-нибудь утреннего жулика.

И вот обходил, глазом обходил Матвей какой-нибудь отбитый сучок.

В дождь ли выходил он, глазом обошел су-
чок, в дождь ли выходил он,—и вот тянулся, тя-
нулся вместе с ним проникновенно и глубоко мимо
дач и заборов; входил в желтые калитки, приби-
вал, прибывал к земле стоптанных дворников.

И вместе с дождем из весны был протащем
сквозь лето?

Таков ли был Матвей?

Или, не втянутый дождем,— сидел и сидел
Матвей.

И пронесившие час толстые ноги мягко
входили в землю и сырость.

И лопушиное ухо рвалось, свисало, рвалось
в неведомом блеске осенней тяги?

День.

В мокрой глине чернота бесконечного Матвея.

Декоративные комедии главы.

1.

Кто-то безусый кричал: апрель, апрель.

Были восходы.

Вечер пою я.

Нет, не тусклый, вечер,—вечер шаткий и сор-
ванный в ноге своего под'ема.

Вечер пою я,—и уже утро в этом исходе по-
следнего тихого, всю ночь в жилетном кармане
продержавшего руку.

Исход—и нет вечера.

И только на гуче желтого, рассветающего и
идушего, приобщенный к жилету ночной, предрас-
светный цилиндр скажет это пришлое и исчезаю-
щее дрожью: „Три часа“.

Цилиндр: Три часа.

Ночь.

И вот, где-нибудь черные ставни уже нижут-
ся и нижутся холодом сползших капель.

— Белая мансарда. И тихий взгляд вниз фиксирует незыблемость Елисейского поля. Старик.

Старик: Париж, Париж!

Или:

Старик: Звезды, чистые звезды!

Ночь, ночь, ночь.

Ночь пою я,—и уже день в этом ковылянии Матвея,—проходящего и суковатого.

Прямо по лужам ступают осенние и тяжелые одежды. В мокрые листья ударяется голова Матвея. И мелькающие капли,—мелькают в воротник, в бо-тинок, в землю.

Старик: Париж, Париж!

Матвей: —————

Матвей: —————

Там (низко, низко), где маленькие мальчики прыгают: мама,—и тихо: мама,—сегодня кто-то негромко: детки любимые.

Земля, Матвеина земля, ниспадающая к ноге и дальняя. В исколоченных заборах—мертвые скважины. Осень.

Цилиндр: Три часа.

Старик: Звезды, чистые звезды!

Матвей: Дождь!

Матвей: Нина!

2.

Улица. Маленькие домики. Двое.

Первая: Я боюсь.

Второй: Глупости.

Вот, как в феврале, в хорошие синие сумерки, такие синие, что считаешь: март, март, март,—знаете,—как в феврале, в закате, в свечках пере-крученный пристав плачет от этого подошедшего и цыганского:—

— А-а-ах!

И после выйдя на воздух (немеркнувший та-
кой, переполненный лужами), крикнет: Егоров!

И будет:

„Ваше благородие“.

Так и теперь. Только домишки, домишки по
обе стороны. И пусто. И глухо. Да.

— Я боюсь.

— Глупости.

Ты, дорогая (где нежность? Где нежность) как
схвкитить мне тебя, как поведать им тобой мое
расползающееся. Да, да.

Так малая, малая и ушедшая слушает это,
где-то наверху возникающее: Маня, Маня. И тем-
неет уже и уже приготовлены самовары и уже гре-
мят, гремят во многих местах ночные стуки в двери.

Да, да.

(Надвигается).

— Я боюсь.

— Глупости.

— Я боюсь.

Последнее:

Милая девушка.

Тихо. Отдаленность дня исходит сладким и
вздрагивающим.

Счет: Сто лет, триста лет...

„Жестокие слова твои“.

Две тысячи лет. Две тысячи лет.

Муть.

— Я боюсь. Я боюсь.

Жутко. Двигается что-то. Втяжелом проходят
люди. Тяжелые битюги тянут жмущие телеги.

Пауза.

Ничего. Легкий снег. Тихая улица. Пусто.

Март.